

Г. В. Колодко

**ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ:
ОТ «ТРЕТЬЕГО МИРА» К «ПЕРВОМУ»**

В эпоху необратимой глобализации мировые экономические и политические правила игры должны учитывать растущее значение Китая. Вместо того, чтобы бороться с ним, нужно прагматично сотрудничать в решении растущих глобальных проблем. Но и Китай должен адаптироваться к внешнему миру, и сам мир должен адаптироваться к Китаю. Невозможно навязать ему модель, разработанную где-то еще, тем более что в наши дни либеральная демократия переживает системный кризис во многих странах. Также невозможно навязать китайскую модель другим, хотя многим странам это кажется заманчивым; «товар» не экспортный, однако его элементы могут оказаться полезными в других местах. Китай не стремится к мировому господству; вместо этого он последовательно интегрируется с остальным миром для того, чтобы поддерживать собственное развитие. Единственный разумный путь вперед – тщательное наблюдение, взаимное обучение и прагматическое сотрудничество, основанное на неортодоксальной экономической мысли.

Три мира в одном

Идея «третьего мира» никогда не была ясна. В течение десятилетий, предшествовавших великому постсоциалистическому переходу, вызванному политическим прорывом Польши в 1989 г., чаще всего предполагалось, не вдаваясь в тонкости терминологии и определения, следующее. «Первый мир» – это высокоразвитый капитализм, возглавляемый Соединенными Штатами, «второй мир» – государственный социализм, во главе которого стоит Советский Союз,

Гжегож Витольд Колодко – доктор экономических наук, профессор, директор Центра TIGER, Козьминский университет, иностранный член РАН (г. Варшава).

а «третий мир» – все остальные, чаще всего бедные и отсталые страны, особенно в Африке, которые все еще стряхивают с себя наследие колониализма. Можно также часто называть эту группу стран развивающимися, хотя во многих случаях развитие не было одной из их характеристик. При таком тройном разделении страны «третьего мира» характеризовались низким уровнем производства и уровня жизни, а также большим населением и быстрым его ростом. Уже тогда нужно было задаться вопросом, к какому миру принадлежит Китай. Конечно, не к «первому», от которого он был отделен непреодолимой пропастью, а ко «второму» или к «третьему»?

Китай не хотел, чтобы его классифицировали как «второй мир», поскольку он не согласился бы с формулой «с Советским Союзом у руля», хотя и не смог бы поставить себя на его место. Возможно, в самом начале существования Китайской Народной Республики (КНР) в начале 1950-х годов, она приняла бы советское политическое господство, но позже это поменялось бы. Любопытно, что лидер страны Мао Цзэдун (1893–1976 гг.) в последние годы своего правления поставил СССР в одну группу с США. В 1974 г. он сказал: «На мой взгляд, Соединенные Штаты и Советский Союз принадлежат к «первому миру». Промежуток между Японией, Европой и Канадой относится ко «второму миру». «Третий мир» очень густонаселен. Кроме Японии, Азия принадлежит к «третьему миру». Как и вся Африка и Латинская Америка»¹. Конечно, «третий мир», определяемый таким образом, должен был бы управляться Китаем, чтобы он мог противостоять двум другим мирам и следовать своим собственным (только законным) путем к лучшему будущему.

В то время Китай уже был самой густонаселенной страной мира, в которой проживало 22,5% мирового населения планеты, но одновременно и одной из беднейших стран с очень отсталым сельским хозяйством, производившей всего 2,8% мирового производства. Для того, чтобы понять, насколько велика была бедность, достаточно знать, что, согласно сегодняшнему показателю бедности (3,2 долл. на человека в день по паритету покупательной способности – ППС), в первые годы существования КНР более 99% общества пострадало от нее! Действительно страна нищих. Сейчас бедные составляют ме-

¹ Цит. по: Chairman Mao Zedong's Theory on the Division of the Three World and the Strategy of Forming an Alliance Against an opponent». The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of China. 1974 (https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zili_ao_665539/3602_665543/3604_665547/t18008.shtml). Было бы интересно узнать, где председатель Мао видел в своей классификации место стран Центральной и Восточной Европы. Вероятно, не в «Европе», а скорее, на стороне Советского Союза, значит, в «первом мире».

нее 1%². Бедность – относительный термин. Ее определения и масштабы варьируются. Амбициозный план Китая по полному искоренению бедности в 2020 г. означает, что тогда экономика и социальная политика обеспечат каждому чистый годовой доход свыше 2300 юаней, что эквивалентно почти 324 долл. по рыночному обменному курсу, или около 684 долл. по ППС. К сожалению, пертурбация, вызванная вспышкой коронавируса COVID-19, несомненно, задержит это историческое достижение.

Есть одна поговорка, однажды услышанная мною в Африке: если хочешь идти быстро, иди один, если хочешь идти далеко, иди вместе. Китай показывает всему человечеству – как богатым, так и (что более важно) бедным – что можно идти быстро и далеко. Всего за два поколения – с 1979 по 2020 гг., когда население страны возросло примерно на 45%, с 970 млн до 1,4 млрд, – Китай увеличил объем ВВП беспрецедентно в 40 раз. Трудно поверить, но это факт³. ВВП по ППС вырос приблизительно с 690 млрд до почти 27 трлн долл., а ВВП по ППС на душу населения – за этот период почти в 27 раз, превысив среднемировой показатель на 6–7%.

Как всегда при таких сравнениях, мы имеем дело с целым рядом методологических вопросов, поскольку существует не один способ расчетов и не один сравнительный показатель. Согласно другим оценкам, ВВП Китая на душу населения вырос с 1 600 долл. в 1978 г. до почти 16 000 долл. – в 2019 г., или ровно в десять раз. В обоих случаях это рассчитано в постоянных ценах 2018 г., но с учетом различных допущений и оценок изменений покупательной способности, следовательно, существенных различий. В частности, автор этих альтернативных оценок Совецательный комитет (The Conference Board), считает, что в официальных данных Китая серьезно недооценивается историческая база, или точка отсчета – доход в 1978 г.⁴.

Трудно не упомянуть, что уровни ВВП на душу населения в США в 1978 г. и в Польше в 2019 г. одинаковы (табл. 1). Если различия

² По оценкам Мирового банка, за четыре десятилетия рыночных реформ в Китае и открытости миру более 850 млн человек вышли в стране из нищеты. Однако до 373 млн человек по-прежнему живут там менее чем на 5,5 долл. в день, что ниже черты бедности, установленной для стран с доходом выше среднего, категории, к которой относится Китай. (The World Bank in China. The World Bank. Washington, DC. 2020 // <https://www.worldbank.org/en/country/china/overview>).

³ По данным национальных счетов Мирового банка и национальных счетов ОЭСР в постоянных ценах 2010 г., реальный ВВП Китая вырос с почти 290 млрд долл. в 1978 г. до около 11,5 трлн – в 2019 г. (<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTR.KD?locations=CN>).

⁴ The Conference Board Total Economy Database. The Conference Board. April 2020 (<https://www.conference-board.org/data/economydatabase/index.cfm?id=27762>).

**Величина и динамика ВВП Китая, США и Польши 1978–2019 гг.
(по паритету покупательной способности)**

Совокупный ВВП в 2018 г., млрд долл.						
		Официальные данные			Альтернативная оценка	
	1978	2019	Коэффициент 2019/1978	1978	2019	Коэффициент 2019/1987
Китай	691	26952	39.0x	1,516	21,956	14.5x
США	7252	20993	2.9x	-	-	-
Польша	476	1257	2.6x	-	-	-
ВВП на душу населения 2018 г., долл.						
Китай	723	19387	26.8x	1,586	15,973	10.1x
США	32574	63126	1.9x	-	-	-
Польша	13631	32775	2.4x	-	-	-

Источники: Conference Board Total Economy Database. April. 2020; расчеты автора.

в уровне развития и уровне жизни сводились бы только к этому, то страны не были бы так далеки друг от друга. В конце концов, что такое четыре десятилетия на длинном пути истории?

По классификации Мирового банка⁵, развитые страны с высоким уровнем дохода – это страны с ВНД (валовым национальным доходом) на душу населения в 12 375 долл. На этот раз речь идет не о ВВП, а о ВНД, хотя эти две категории не далеки друг от друга. В Китае ВНД меньше ВВП примерно на 6% и в 2019–2020 гг. мог составить около 10 200 долл. Следовательно, статус страны с высоким уровнем дохода находится рядом; все, что нужно для того, чтобы достичь его, – это около 20% роста. Как только шок, связанный с пандемией COVID-19, будет успешно преодолен – это займет три, может быть, четыре года⁶.

⁵ The World Bank in China. Op. cit.

⁶ Это может случиться, но не обязательно. Некоторые считают, что постпандемический мир окажется гораздо хуже для Китая, что замедлит его рост и значительно удлинит путь к догоняющему росту по отношению к странам с более богатыми экономиками. Согласно таким мнениям, Запад может еще больше изолировать себя, блокируя приток китайского капитала, замедлить обмен знаниями и технологиями и ввести дополнительные торговые ограничения. Снижение взаимного доверия также скажется на отношениях между Западом и Востоком.

Именно так, всего за полвека, с 1974 г. – когда Мао справедливо видел Китай в «третьем мире», – по 2024 г. страна переместит свою экономику в «первый мир»⁷. Хотя это гораздо сложнее, потому что количество – еще не все, что имеет значение. Иногда это даже меньше, чем качество.

Давным-давно ...

Китайский путь к «первому миру» имеет богатую и сложную историю. За короткое время она открылась для глобализации и сопутствующим либеральным экономическим реформам преемника Мао – Дэн Сяопина (1904–1997 гг.). Его знаменитая шутка – «не важно, черная кошка или белая, главное, чтобы она ловила мышей», – действительно квинтэссенция прагматизма, который лежал в основе китайских рыночных реформ в течение последних четырех десятилетий.

В еще более короткие сроки осуществились изменения при Си Цзиньпине, нынешнем лидере партии с конца 2012 г. и Председателе КНР с весны 2013 г. Дэн предпочитал смирение и в основном внутреннюю ориентацию, заявив в 1990 г.: «Скрой свои силы и выжидай время», тогда как Си верит, что это время уже наступило и продвигает «китайскую мечту»⁸, а также экономическую и политическую внешнюю экспансию. Как указано в документах XIX Национального съезда Коммунистической партии Китая, страна движется от «мирного роста» к «настойчивому росту». «Путь, теория, система и культура социализма с китайской спецификой, – сказал Си Цзиньпин, – продолжали развиваться, прокладывая новый путь для других развивающихся стран и наций ради достижения модернизации». Он предлагает новый вариант для других стран и наций, которые хотят ускорить свое развитие при сохранении независимости, а также отстаивает «китайскую мудрость и китайский подход к решению проблем, стоящих перед человечеством»⁹. Совершенно недвусмысленно Си заявил: «Нам пора занять центральное место в мире и внести больший вклад в развитие человечества»¹⁰.

В прошлом ситуация менялась очень долго. Временами Китай был ближе к более развитым странам и экономикам, иногда даже лидировал в мире, а в некоторых случаях расстояние увеличивалось, и он даже отставал. Если оставить в стороне древность – высокоразвитую цивилизацию эпохи Конфуция (551–479 гг. до н.э.), – то в наши дни часто встречаются упоминания о великих морских путешествиях адмирала Чжэн Хэ (1371–1433 гг.), достигшего Аравии и восточных

⁷ Chairman Mao Zedong's Theory on the Division of the Three World...

⁸ *Xi Jinping. The Governance of China*. ICP Intercultural Press. Beijing. 2014.

⁹ Xi Jinping and His Era // *China Daily*. 2017. November 18–19.

¹⁰ Xi Jinping signals departure from low-profile policy // *Financial Times*. 2017. October 20 (<https://www.ft.com/content/05cd86a6-b552-11e7-a398-73d59db9e399>).

берегов Африки 600 лет тому назад. Вместо экспансии, подобной Колумбу в Америке, за этими эскападами последовало полное отступление, которое так и не было объяснено. Скорее всего, это было вызвано необходимостью сосредоточиться на тяжелых внутренних проблемах, а не странной фобией тогдашнего императора Поднебесной (Срединного царства). Сегодня Китай снова присутствует в этих регионах, и нет никаких признаков его намерения уйти, скорее наоборот. В мировой политике есть те, кто был бы счастлив, чтобы нарастающие внутренние проблемы Китая заставили его свернуть паруса и на сей раз. Это не произойдет, поскольку сейчас он разворачивает их для того, чтобы лучше преодолеть трудности, испытываемые на родине, проникая в другие части света и регионы.

В конце XVI – в начале XVII вв. некоторые выдающиеся европейские умы высоко ценили китайские достижения, рассматривая их как признак более высокого уровня развития. Немецкий философ и математик Г. Лейбниц считал, что в области точных наук Запад находится на переднем крае, а китайцы превзошли европейцев в «практической философии», в том, как они организовали общество, где «законы прекрасно направлены к величайшему спокойствию и порядку»¹¹. Г. Лейбниц, узнав о Китае от католических миссионеров, возвращавшихся отсюда и оседавших в Германии, разоренной Тридцатилетней войной (1618–1648 гг.), хотел, чтобы китайские миссионеры прибыли в Европу, и мечтал о новой глобальной культуре, объединяющей лучшее из Китая и Европы. Прошло почти 400 лет; миссионеры – теперь гражданские, а не иезуитские, – пропитанные всевозможными идеями, путешествуют в обе стороны с беспрецедентной частотой, и все же эта долгожданная глобальная культура еще далеко впереди.

Спустя полтора столетия великий философ и писатель эпохи Просвещения Фр. Вольтер (1694–1778 гг.) с уважением писал о Китае. Безусловно, он был склонен делать это на фоне кризиса и хаоса, царившего в дореволюционной Франции. Когда в 1764 г. он заметил: «Их империя – лучшее из того, что мир когда-либо видел», то не мог и предположить столь же критические реакции современных апологетов сложной китайской реальности. Фр. Вольтер даже создал стихи об императоре Цяньлуэ (1711–1799 гг.), которого воспринимал как платонического философа-царя¹². Напротив, его современник,

¹¹ Цит. по: *Obbema F. China and the West: Hope and Fear in the Age of Asia*. I.B. Tauris. London – New York. 2015. P. 18.

¹² В наши дни недостаток таких стихотворений вряд ли можно восполнить поэмами в его честь, написанными прозой в десятке или около того китайских институтов, созданных «для изучения и интерпретации Мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой, с китайскими особенностями для новой эпохи». Это пахнет культом личности, который китайскому лидеру совершенно не нужен.

Ш. Монтескье (1689–1755 гг.), рассматривал Китай как «деспотическое государство, принцип которого – страх». Некоторые синоскептики согласились бы с ним и сегодня.

Как ни трудно в это поверить, но две сотни лет тому назад на Китай приходилось около 32% мирового объема производства. Впрочем, это будет легче понять, осознав, что тогда страна была населена относительно большим количеством людей, чем сейчас, составлявших 38% населения всего мира. Китайцев было в три раза больше, чем европейцев: 381 и 122 млн соответственно. Затем наступил период замедления и регрессий. В то время как сначала Европа, а затем Северная Америка набирали обороты в результате последующих промышленных революций, Китай – не без помощи некоторых империй Западной Европы – впал в стагнацию. В конце XIX и начале XX вв. это была страна с полуколонизированной экономикой. То «столетие национального унижения» часто вспоминается сегодня. Это известно всем ученикам начальной школы, что делает их еще более гордыми современными достижениями своей родины и жаждущими чего-то, достойного быть «Китайской мечтой XXI в.».

История никогда не повторяется дословно, но иногда современники не могут не вспомнить о прошлом. Когда-то китайцы уже были объектом страха, точнее, страха на фоне ксенофобии. Конец XIX в. и в Северной Америке, и в Европе вошел в историю как бесславное время «Желтой опасности». По сути, это был антиазиатский расизм, когда страх перед мигрантами из этого региона преднамеренно внушался местному населению, и порой иногда прибегали к позорным расистским практикам из-за очевидного превосходства американской и европейской цивилизаций. Например, в США в 1882 г. был принят Китайский закон об исключении (Chinese Exclusion Act), который отменили в 1943 г., и Сенат был достаточно любезен, извинившись за него только в 2011 г. (именно так!). Если это не было бы сделано тогда, то, конечно, сейчас республиканское большинство так не поступило бы.

В Европе в конце XIX в. германский кайзер Вильгельм II разжигал ненависть к китайцам, угрожая их якобы вторгавшимися полчищами. С этой целью он послал дальнему двоюродному брату, царю России Александру III, рисунок с изображением китайского дракона, растоптавшего христианскую Европу. Многочисленные копии этого изображения имели огромный успех, как и современные шовинистические и расистские мемы.

Неспособность идти в ногу с творческим процессом и развитием, вызванным промышленными революциями XIX в., а также социальными и военными потрясениями первой половины XX в., привела к тому, что в течение нескольких поколений Китай оказался неспособен преодолеть системный экономический и политический коллапс. ВВП страны в середине XX в., ког-

да была основана КНР во главе с Коммунистической партией, составлял не более 2% мирового производства. Таким образом всего за 130 лет произошел резкий спад от выпуска страной одной трети общемировой продукции к выпуску только одной ее пятидесятой части при беспрецедентном увеличении огромного населения.

От еще большего к еще лучшему

Теперь по ППС ВВП Китай вернулся к приблизительно 20% мирового производства. Со временем показатель будет расти и однажды снова достигнет более 30%, как два столетия тому назад. Это имеет очевидные детерминанты и менее очевидные последствия. Именно политическая и экономическая система страны способствовала такому прогрессу, особенно в период открытия и реформ после 1978 г.¹³. Однако это происходит с огромными затратами и приводит к негативным последствиям, которые сама по себе величина ВВП не показывает. Особенно остро ощущаются экологические издержки в виде опустошения окружающей среды и огромные масштабы неравенства в доходах. Эти две области – наряду с необходимостью поддержания экономического равновесия, особенно в отношении финансов и торговли, – представляют собой самые серьезные проблемы, с которыми столкнется экономическая политика в ближайшие десятилетия. Улучшение экологической ситуации и сокращение различий в доходах и богатстве – более важны, чем постоянная максимизация темпов традиционно определенного экономического роста.

Естественно, последнее нельзя игнорировать. В конце концов, именно стоимость произведенных товаров и предоставляемых услуг обеспечивает материальные основы жизни и определяет благополучие. Более того, поддержание относительного равновесия на рынке труда требует, по оценкам, не менее 5% роста ВВП. Экономика должна ежегодно поглощать более десятка миллионов работников, мигрирующих в промышленность и в сферу услуг, которые расположены в городских районах. Это одно из условий поддержания социального мира, что гораздо важнее, чем догонять и опережать других. В конце концов, причина, по которой Китай проводит политику быстрого экономического роста, заключается не в том, чтобы превзойти Японию и США по объему производства, а в том, чтобы лучше удовлетворить потребности его многочисленного населения.

Китай набрал скорость. Его экономическая динамика значительно превышает динамику в высокоразвитых странах, постоянно сокращая

¹³ *Lin Justin Yifu. Demystifying the Chinese Economy. Cambridge University Press. 2012.*

разрыв с ними (рис. 1)¹⁴. В контексте геополитики также и то, что во втором десятилетии XXI в. экономика Индии растет почти так же быстро. В предыдущие 30 лет дело было иначе, что важно учитывать при дискуссиях, сравнивающих различные политические и экономические модели. В 1980–2009 гг. общий ВВП Индии вырос приблизительно в 7,2 раза, а Китая – приблизительно в 26,7 раза. В то время Индия, которая до 1992 г. имела более высокий доход на душу населения, была далеко позади Китая. В свою очередь, хотя общий ВВП в Китае за 2010–2019 гг. более чем удвоился, в Индии он почти удвоился. Следовательно, в настоящее время средний доход китайца почти в два с половиной раза выше, чем у индийца¹⁵.

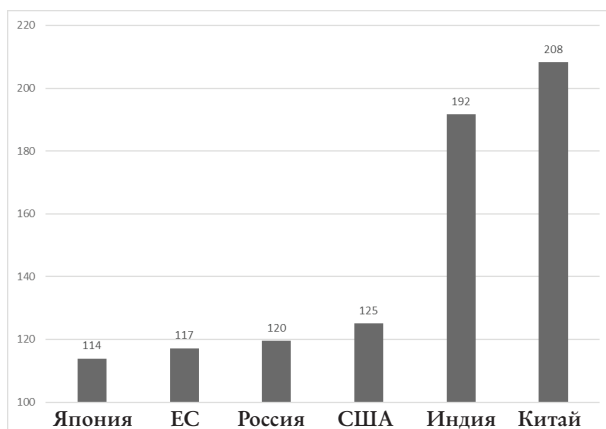

Рис. 1. ВВП Китая и «Большой Пятерки»: (2009=100)

Источник: расчеты автора на основе World Economic Outlook. October 2019.

¹⁴ Стоит сравнить, с учетом всех соответствующих методологических оговорок, экономическую динамику Китая со страной наиболее успешного постсоциалистического перехода, с Польшей (Об этом подробнее см.: *Piatkowski M. Europe's Growth Champion: Insights from the Economic Rise of Poland. Oxford University Press. Oxford – New York. 2018; Kolodko G. W. After the Calamity: Economics and Politics in the Post-Pandemic World // The Polish Sociological Review. 2020. No. 2(210)*). В общем, ВВП Польши за три десятилетия, с 1990 по 2019 гг., примерно утроился, тогда как ВВП Китая увеличился в 15 раз. ВВП на душу населения в Польше вырос за этот период почти в три раза, причем население несколько сократилось, а в Китае, как мы знаем, реальный доход на душу населения вырос примерно в 12 раз. О сложной ситуации в начальный период польской трансформации подробнее см.: *Kolodko G. W., Rutkowski M. The Problem of Transition from a Socialist to a Free Market Economy: The Case of Poland // The Journal of Social, Political and Economic Studies. 1991. Vol. 16 (2). P. 159–179; Nuti D. M. The Rise and Fall of Socialism. DOC Research Institute. Berlin. 2018 (https://doc-research.org/2018/05/rise_and_fall_of_socialism/).*

¹⁵ World Economic Outlook. October 2019. International Monetary Fund. Washington. DC (<https://knoema.com/IMFWEO2019Oct/imf-world-economic-outlook-weo-october-2019>).

Хотя мы уже живем в реальности за пределами ВВП¹⁶, давайте еще немного остановимся на его анализе. Дело в том, что в этой области многое изменится из-за путаницы, вызванной пандемией COVID-19. Так, по оценкам МВФ, экономический рост все еще будет продолжаться в 2020 г. в этих двух странах – в бывших крупнейших экономиках «третьего мира», правда, в гораздо меньших масштабах из-за блокирования части экономики, занятой производством продукции и услуг, предназначенных для предотвращения распространения инфекции и нарушения транснациональных производственно-сбытовых цепочек¹⁷. В частности, МВФ прогнозировал рост ВВП для Китая и Индии на 1,2 и 1,9% соответственно в 2020 г. и экспоненциальный рост – на 9,2 и 7,4% в 2021 г.¹⁸. В высокоразвитых странах ожидался серьезный спад производства (табл. 2)¹⁹.

Таблица 2

**Прогнозы рецессии и роста в 2020–2021 гг.
(падение / рост ВВП в процентах, 2019 = 100)**

Страна	2020	2021	2021
Китай	1,2	9,2	110,5
Индия	1,9	7,4	109,4
Япония	5,2	3,0	97,6
Россия	5,5	3,5	97,8
США	5,9	4,7	98,5
Мир	3,0	5,8	102,6

Источник: World Economic Outlook. April 2020: The Great Lockdown.

¹⁶ Kolodko G. W. The New Pragmatism, or Economics and Policy for the Future // Acta Oeconomica. 2014. Vol. 64(2). P. 139–160 (<http://tiger.edu.pl/aktualnosci/2014/acta-oconomica-64-2014.pdf>); Stiglitz J. E., Fitoussi P., Durand M. Beyond GDP: Measuring What Counts for Economic and Social Performance. OECD. Paris. 2018; Koźmiński, A. K., Piotrowska A. N., Zagórski K. The Balanced Development Index for Europe's OECD Countries, 1999–2017. Springer Briefs in Economics. Springer. Cham. Switzerland. 2020.

¹⁷ Kolodko G. W. After the Calamity: Economics and Politics in the Post-Pandemic World // The Polish Sociological Review. 2020. N2(210).

¹⁸ В то же время Европейская комиссия прогнозировала рост ВВП Китая в 2020–2021 гг. на уровне 1,0 и 7,8%.

¹⁹ World Economic Outlook, April 2020. The Great Lockdown. International Monetary Fund. Washington, DC. 2020 (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020>).

Если такие сценарии будут реализованы, то ВВП Китая по ППС увеличится с около 128% от уровня США в 2019 г. до около 144% в 2021 г., или наоборот доходы США сократятся с 78 до 70% доходов Китая. Это, бесспорно, нежелательно для президента США Д. Трампа, политика которого намеренно разработана для того, чтобы сравнительно ослабить китайскую экономику и «Сделать Америку снова великой» (Make America Great Again!) в данном контексте. Поэтому масштаб изменений, происходящих на мировой арене, огромен. Позвольте просто отметить, что национальный доход Китая, рассчитанный таким образом, уравнивается только общей суммой доходов США, Японии и России (рис. 2)²⁰.

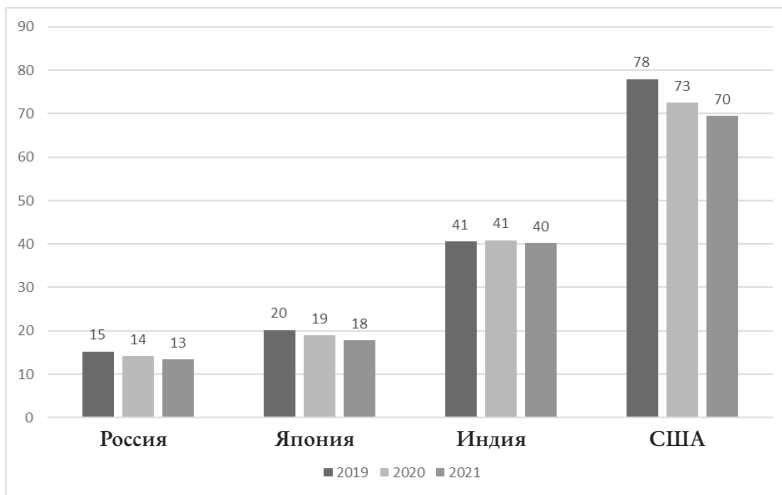

Рис. 2. Китай против «Большой четверки». ВВП отдельных стран от ВВП Китая (в %) по паритету покупательной способности. Источник: World Economic Outlook. April 2020.

Общий национальный доход в Китае (ВВП, взвешенный по ППС) более чем на четверть больше, чем в США, тогда как по текущему обменному курсу он все еще намного, почти на одну треть, меньше. В 2019 г. эти цифры составляли соответственно около 21 трлн долл. и 14,4 трлн долл. Лучше и больше информативен доход по паритету покупательной способности, поскольку этот показатель указывает действительную стоимость или, точнее, сопоставимую стоимость товаров и услуг, в которую он может быть конвертирован с учетом различий в международных ценах. В нашем анализе доходов, рассчитанных по рыночному обменному курсу, давайте примем упрощающее допущение, что эти страны будут поддерживать средние темпы роста ВВП после 2020 г. на уровне, достигнутом в год,

²⁰ World Economic Outlook. April 2020.

предшествовавшем пандемии COVID-19, т.е. 2,3 и 6,1% соответственно. Тогда ВВП Китая, достигнув 26 трлн долл. США (в постоянных ценах 2019 г.), превысит уровень США в 2030 г.

Иногда в глобальном экономическом сотрудничестве и соперничестве за политическое превосходство, особенно имеет значение то, как продукция Китая влияет на другие страны. Лишь в 1995 г. Китай занял первое место в списке пятнадцати крупнейших мировых экспортеров, и спустя лишь восемнадцать лет, в 2013 г. он взял на себя инициативу, которую будет продолжать удерживать в обозримом будущем²¹. В 2019 г. общий объем внешней торговли Китая составил 4,6 трлн долл., причем экспорт вырос на 0,5%, а импорт – на 2,8% по сравнению с предыдущим годом²².

Таблица 3

**Десять ведущих стран-потребителей
китайского экспорта в 2019 г.**

	В млрд долл.	В процентах
США	418,6	16,8
Гонконг	279,6	11,2
Япония	143,2	5,7
Южная Корея	111,0	4,4
Вьетнам	98,0	3,9
Германия	79,7	3,2
Индия	74,9	3,0
Нидерланды	73,9	3,0
Великобритания	62,3	2,5
Тайвань	55,1	2,2

Источник: Trade Map. Trade Statistics for International Business Development. 2020; расчеты автора.

Относительно очень высокий экспорт в Гонконг почти полностью реэкспортируется. Таким образом, фактический экспорт товаров на соответствующие зарубежные рынки больше, чем показано в табл. 3.

²¹ С невероятными трениями, вызванными пандемией COVID-19, и часто хаотическими реакциями экономической политики, это, скорее, вопрос непредвиденного будущего.

²² Trade Map. Trade Statistics for International Business Development. 2020.

В прошлом году перед пандемией, которая потрясла мировую экономику, включая международную торговлю, Китай имел положительное сальдо в 421,5 млрд долл., что превышает показатель предыдущего года, несмотря на санкции, вызванные торговой войной, которую вели США. Китай остается их крупнейшим торговым партнером, поскольку, несмотря на протекционистские ограничения, наложенные администрацией президента Д. Трампа, получает товаров на сумму более 1,5 трлн долл., т.е. пятую часть всего экспорта США.

Еще одно обстоятельство, имеющее значение в глобальном соперничестве, – финансовые ресурсы государства. Вкупе с валютными резервами они в Китае эквивалентны приблизительно 3,1 трлн долл., что дает ему первое место в мире²³. В 2014 г. они выросли на 750 млрд долл., но в последующие пять лет были разумно использованы государством для стабилизации экономики и стимулирования роста производства. Заметим, что треть резервов Пекина представлена американскими ценными бумагами, связывая тем самым две экономики еще больше. Две трети распределяются между другими резервными валютами, наибольшую долю которых составляют евро, далее следуют иена, гонконгский доллар²⁴, британский фунт стерлингов, корейский вон, австралийский и канадский доллары и швейцарский франк. Примерно 100 млрд долл. хранятся в золоте. Именно его крупномасштабные покупки Центральным банком Китая в последние годы привели к значительному росту цен на этот драгоценный металл.

Вместе с тем, только около 2% мировых валютных резервов приходится на китайскую валюту. Можно подсчитать, что центральные банки других стран накопили в юанях не более эквивалента четверти триллиона долларов. Это текущий статус, но он изменится, и доля юаней в мировых валютных резервах будет систематически, хотя и медленно, расти. Несомненно, сначала за счет доллара, что также будет иметь политические последствия. Кроме того, Китай, спровоцированный враждебностью США и агрессивной торговой политикой, что препятствует экономическому развитию, последовательно создает параллельную финансовую систему, которая поможет обойти платежные механизмы на основе долларов²⁵. В настоящее время

²³ И в Гонконге, и на Тайване имеются резервы, которые в обоих случаях значительно превышают 400 млрд долл. США. Следовательно, валютные резервы так называемого Большого Китая, возрастают до приблизительно 4 трлн долл. США.

²⁴ Гонконгский доллар, HKD, де-факто привязан к доллару США в рамках режима валютного совета, поэтому в макроэкономическом отношении обе валюты могут рассматриваться одинаково.

²⁵ The pandemic is driving America and China further apart // The Economist. 2020. May 9th (<https://www.economist.com/leaders/2020/05/09/the-pandemic-is-driving-america-and-china-further-apart>).

функционирование международной финансовой клиринговой системы ведет к тому, что огромное количество международных торговых контрактов не может быть заключено в обход доллара. Это позволяет Вашингтону налагать жесткие санкции на других или шантажировать их угрозой санкций, с чем, например, сталкиваются в эти дни Иран и его торговые партнеры.

Иногда враждебные эмоции фактически приводят к потере разума. Это можно сказать о видных представителях политического истеблишмента США, обвиняющих Китай и требующих финансовой компенсации за потери, понесенные экономикой страны в результате пандемии COVID-19²⁶. СМИ сообщили о фантастической идее, распространяемой источниками в администрации, о том, что Белый дом думает об отмене части долга перед Китаем в размере 1,1 трлн долл., чтобы «наказать» страну за пандемию²⁷. «Республиканцы в Конгрессе, такие как сенатор Л. О. Грэм (Южная Каролина), все чаще требуют, чтобы США «заставили Китай расплачиваться» за ущерб²⁸. Сенатор М. Блэкберн пошла еще дальше, до абсурда, потребовав отмены процентных платежей Китаю за любые авуары в долг США, поскольку «они обошлись нашей экономике уже в 6 трлн долл., и мы могли бы в итоге получить дополнительные 5 трлн долл.»²⁹. Такие публичные заявления политиков высшей лиги представляют собой зерно для мельницы ксенофобии, как будто ее уже недостаточно.

Во время избирательной кампании, стремясь к переизбранию президента Д. Трампа, его приспешники платят за рекламу в СМИ со словами «Китай убивает наши рабочие места, а теперь убивает наш народ»³⁰. Государственные СМИ Китая быстро отреагировали, раздувая националистические эмоции оскорблениями госсекретаря США М. Помпео, называя его «злым», «безумным» и «общим врагом человечества»³¹.

²⁶ "A bill has to come due for China": White House advisor Navarro threatens coronavirus retaliation // CNBC. Politics. May 11th. 2020 (<https://www.cnbc.com/2020/05/11/coronavirus-trump-advisor-navarro-threatens-retaliation-against-china.html>).

²⁷ There is less trust between Washington and Beijing than at any point since 1979 // The Economist. May 9th. 2020. (<https://www.economist.com/united-states/2020/05/09/there-is-less-trust-between-washington-and-beijing-than-at-any-point-since-1979>).

²⁸ U.S. Officials Crafting Retaliatory Actions against China Over Coronavirus as President Trump Fumes // Washington Post. 30.04.2020. (<https://www.washingtonpost.com/business/2020/04/30/trump-china-coronavirus-retaliation/>).

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem.

Как видим, наблюдается увлекательное, хотя и часто неприятное столкновение между геоэкономикой и геополитикой³². Оба мегапроцесса взаимосвязаны. Но если нам удастся избежать разрушительной «горячей войны», – предположение, которое я последовательно высказываю, – в завтрашнем мире экономические процессы несомненно получат решающее значение. Отношения с властью будут определяться тем, как они развиваются, а не субъективными желаниями и амбициями политиков, для которых власть и влияние – это все, а решение социальных и экономических проблем служит лишь инструментом их доминирования. С этой точки зрения относительное положение Китая на мировой арене продолжит укрепляться в течение многих последующих лет, поскольку его экономика будет расти в абсолютном и в относительном выражении, хотя уже не такими темпами, как до недавнего времени.

Китай не только не попадает под власть «коммунизма»³³, но и благодаря своим уникальным особенностям, продолжает расти темпами, выше средних. После победоносной многолетней войны с бедностью наступает еще одна война, на этот раз в защиту окружающей среды. Кроме того, ее можно выиграть с течением времени, и это докажет, что непереносимое условие (*conditio sine qua non*) конкретной политической и экономической системы Китая – так называемый чайнизм³⁴, – будет принято следующими поколениями. Ранее Китай, и особенно его лидеры, не желали жертвовать, чтобы максимизировать традиционно определяемые (в узких количественных терминах) темпы экономического роста. Теперь, накануне своего продвижения в группу стран с высоким уровнем доходов, он должен пожертвовать тем же на алтаре развития, который трижды устойчив: в экономическом, социальном и экологическом плане. Если Китаю удастся это сделать, то он мирно выиграет еще одну эпоху на бесконечном пути развития.

³² Kolodko G. W. *Chinism and the Future of the World // The Communist and Post-Communist Studies*. 2020. Vol. 53. Special Issue.

³³ Sun Feng, Wanfa Zhang. *Why Communist China isn't Collapsing: The CCP's Battle for Survival and State-Society Dynamics in the Post-Reform Era*. Lexington Books. Lanham – Boulder – New York – London. 2020.

³⁴ Kolodko G. W. *Socialism, Capitalism, or Chinism? // The Communist and Post-Communist Studies*. 2018. Vol. 51(4). P. 285–298 (http://tiger.edu.pl/CPCS_2018.pdf).